

Короткая семейная встреча вновь закончилась ничем.

Стоило Ли Жуну уйти, как старушка разом поникла, будто из неё выкачали все силы; даже морщины на её лице стали как будто глубже. Гу Нун была её гордостью, любимой дочерью, и разве могла мать не горевать о ней? Каждый раз она бросала внуку жестокие слова лишь потому, что до смерти боялась за него.

В этой запутанной истории само то, что они остались живы, уже было великим счастьем. Но, судя по всему, случай с отравлением газом не только не напугал юношу, а, напротив, пробудил в нём дремавшее упрямство.

— Он и впрямь до ужаса похож на Нуннун, — едва слышно пробормотала старушка.

Гу Чжаонянь лишь пренебрежительно фыркнул:

— Такая же гордыня, такое же неуместное упрямство. Его с детства слишком высоко превозносили, вот он и не понимает: мир устроен иначе, в нём полно «серых зон».

Старушка подняла на него глаза, покрасневшие от недавнего волнения:

— А твой ректор... он не стал строить тебе козни из-за этого дела?

История Ли Цинли и Гу Нун наделала слишком много шума, и первыми под удар всегда попадали родственники.

Гу Чжаонянь взъерошил волосы:

— Да нет, наш руководитель — человек рассудительный. Он даже расспрашивал о Ли Жуне.

Старушка нахмурилась:

— Он знает о мальчике? И что же он спрашивал?

Гу Чжаонянь на мгновение задумался:

— Ну, интересовался, часто ли мы общаемся, заботимся ли о нём. Я ответил как есть: парень он самостоятельный, со своей головой на плечах, и с нами не особо близок. Тогда ректор велел мне внимательнее следить за его душевным состоянием. Сказал, что ни сплетни в сети, ни позиция исследовательского института «Хунсо» по поводу той статьи не повлияют на

отношение университета. Университет А — это просто учебное заведение, их дело — учить людей. Ко всем студентам там относятся одинаково: ни предвзятости, ни поправок.

Старушка тяжело вздохнула:

— Дерево хочет покоя, да ветер не утихает.

В день регистрации, в конце августа, город А уже несколько суток задыхался от сорокаградусной жары. Ни дуновения ветра, ни единого облачка; солнце яростно выжигало землю, а асфальт под ногами стал вязким и липким, издавая противный чавкающий звук при каждом шаге.

Ли Жун нанял человека, чтобы тот помог донести вещи до общежития.

Жилые блоки в Университете А были довольно просторными: по три человека на секцию. В каждой секции — три отдельные спальни, общая гостиная и санузел. Такая планировка позволяла сохранить личное пространство и в то же время не лишала студентов возможности общаться.

Оба соседа юноши оказались иногородними. Первого звали Хэ Чанфэн — высокий, грузный парень с не самым приятным лицом. Длинноватый овал головы, короткий «ёжик» волос, выпирающий живот и специфическая походка вразвалку, носками врозь. Было видно, что семья у него обеспеченная: двое водителей суетились вокруг, разбирая багаж, протирая кровать и подметая пол, в то время как сам хозяин вещей развалился в кресле в гостиной, наблюдая за процессом. Всё на нём — от одежды до мелочей — стоило немалых денег, а когда он потягивался, в глаза бросался узнаваемый логотип дорогого бренда на ремне.

Второго соседа звали Сун Хэ. Смуглый, худой как щепка, в очках в квадратной оправе и с нависшим веком. У него были длинноватые волосы и необщительный вид. С самого появления в комнате парень молча занимался своими делами. Разумеется, он украдкой поглядывал на Хэ Чанфэна и Ли Жуну: аура богатства первого заставляла его держаться на расстоянии, но и ко второму соседу он не спешил проявлять инициативу.

Сам Ли Жун тоже не горел желанием заводить пустые разговоры. Он не собирался проводить в общежитии всё время. Цэнь Сяо нужно было совмещать учёбу с работой в Девятом районе, поэтому семья Цэнь купила квартиру в центре, равноудалённую от обоих мест. Ли Жун планировал оставаться у него всякий раз, когда выдастся свободная минутка.

Помощники Хэ Чанфэна вели себя подчёркнуто вежливо не только со своим подопечным, но и с другими ребятами. Время от времени они деликатно уточняли:

— Ребята, если мы это здесь поставим, не мешает?

— Сделаем небольшой обеденный стол в гостиной?

— В холодильнике у каждого будет по полке, хорошо?

— Ой, кажется, мы забыли пылесос в машине, сейчас принесём. Сможете пользоваться все вместе.

Один из мужчин быстро сбегал вниз и вскоре вернулся с двумя внушительными коробками. Оказалось, это не только пылесос, но и мощный отпариватель для одежды — обе вещи элитных марок, ценой никак не меньше десяти тысяч юаней каждая.

Сун Хэ бросил на них взгляд, поджал губы и краем глаза посмотрел на Ли Жуна, пытаясь угадать его реакцию. Но тот не проявил ни капли интереса к дорогим игрушкам. Тогда парень снова молча опустил голову, продолжая складывать вещи.

Ли Жун, выросший в достатке, прекрасно понимал чувства соседа. Хотя Ли Цинли и Гу Нун всегда выступали против излишеств, их семья никогда ни в чём не нуждалась. Он почувствовал взгляд Сун Хэ и понял, что тот ищет в нём союзника — кого-то, кто разделит его негласное возмущение хвастовством и пафосом Хэ Чанфэна.

Но юноша не стал подыгрывать. Вероятно, теперь сосед сочтёт и его одним из этих «богачей». На самом же деле всё было ровно наоборот: Ли Жун остался по-настоящему нищим.

Когда с уборкой было покончено, а лента новостей в телефоне надоела, Хэ Чанфэн сладко потянулся и взял из рук водителя ледяную колу, осушив бутылку в несколько жадных глотков. Довольно крикнув, он закинул ногу на ногу и покосился на остальных:

— Ну, колитесь, кто как поступил?

Университет А считался одним из лучших в стране, и способов попасть туда было множество. Далеко не всегда здесь учились только отличники — хватало и тех, кто обладал какими-то выдающимися талантами. Традиция спрашивать «откуда ты?» при первой встрече была неизменной для каждого поколения студентов.

Парень первым предъявил свои права:

— Я взял золото на международной олимпиаде.

В его голосе сквозила плохо скрываемая гордость. Впрочем, достижение и впрямь было весомым. Сун Хэ в ответ лишь отвёл взгляд:

— Обычный экзамен. В нашей провинции конкурс огромный, других путей почти нет.

Чтобы участвовать в международных олимпиадах, одного интеллекта мало — нужны колоссальные вложения в образование, которые простому смертному не по карману. Студент, возможно, даже не знал, как подать заявку на такие соревнования.

Ли Жун ответил буднично:

— Рекомендация.

Хэ Чанфэн вскинул бровь:

— По рекомендации? Ого, сильно.

Ответ второго соседа он попросту проигнорировал. И дело было не в какой-то личной неприязни — Хэ Чанфэн не был мелочным человеком. Просто Ли Жун был красив, а людей всегда тянет к прекрасному, поэтому его слова вызвали больше интереса.

Парень взглянул на часы:

— Может, сходим куда-нибудь перекусить? Как насчёт камчатского краба? Возьмём парочку, отметим приезд.

Сун Хэ замялся. Он не знал, собирается ли сосед щедро угощать всех или предложит разделить счёт, но в любом случае такие траты были ему не по карману, а делать унизительный выбор не хотелось.

— Спасибо, не стоит. Я уже заказал доставку.

Ли Жун тоже вежливо улыбнулся:

— Прости, у меня уже назначена встреча с друзьями.

Разумеется, под друзьями он имел в виду Цэнь Сяо, Цзянь Фу и Цзи Сяочуань. Цэнь Сяо поступил на факультет менеджмента, что вполне соответствовало его семейному бэкграунду. Цзянь Фу выбрал компьютерные науки. А Цзи Сяочуань, как и сам Ли Жун, подала документы на кафедру биохимии — в точности повторив свой путь из прошлой жизни.

Правда, Цзи Сяочуань призналась, что выбрала это направление под влиянием Ли Жуну. Но ведь в той, прежней жизни он никак на неё не влиял. Похоже, в этой параллельной реальности всё становится интереснее.

Цзи Сяочуань, прижимая к груди только что купленные учебники, неловко поправила очки запястьем и серьёзно спросила:

— Староста... ты готов к распределительному экзамену?

Через два дня после начала занятий в Университете А проводилось тестирование. На кафедре биохимии тех, кто показал лучшие результаты, зачисляли в продвинутые группы: там программа была насыщеннее, преподаватели сильнее, а шансы на стипендию — выше.

Самую нижнюю строчку в рейтинге занимала группа под руководством Чжан Чжаохэ. Об этом человеке в университете ходила слава как о безнадёжном лодыре. Каков был его реальный уровень знаний, никто не знал, но талантом к управлению он явно обделён. Его до сих пор не уволили лишь из уважения к стажу и десятилетиям, проведённым в стенах вуза. Тем не менее из-за отсутствия научных достижений и того, что его студенты либо заваливали сессии, либо отчислялись, ректор так и не дал ему звание профессора. Чжан Чжаохэ годами оставался простым лектором, а его существование на кафедре было возможным лишь потому, что руководство закрывало на это глаза.

Никто не хотел оказаться в его группе. Студенты Университета А, будучи лучшими в своих регионах, приезжали сюда с амбициями и не желали тратить время впустую. Поэтому борьба за распределение обещала быть жаркой. Цзи Сяочуань была полна решимости и готовилась всё лето.

Ли Жун задумчиво вскинул голову:

— Я? Знаешь, мне хочется немного покоя. Пожалуй, пойду в самую слабую группу.

Ему и вправду было всё равно. Университетских знаний не хватило бы даже на год его реального опыта. Только в группе Чжан Чжаохэ он мог быть уверен, что случайно не выдаст знания по биохимии, опережающие современность на пять лет. К тому же на похоронах родителей Цэнь Сяо обмолвился, что Чжан Чжаохэ кажется ему странным. Ли Жун доверял интуиции Цэнь Сяо и хотел присмотреться к этому человеку лично.

Цзи Сяочуань оторопела:

— Что? Тогда... мне тоже не нужно готовиться?

Она по привычке считала, что должна во что бы то ни стало попасть в одну группу со старостой. Не зная, насколько сильны конкуренты, она не давала себе ни минуты отдыха — и вдруг Ли Жун заявляет, что метит в самое худшее место.

Ли Жун обернулся к ней и серьёзно произнёс:

— Ты, напротив, должна попасть в лучшую группу. Не смей зарывать свой талант в землю.

<http://bllate.org/book/15351/1439794>